

Структурные и социолингвистические характеристики русско-горномарийского переключения кодов: пилотное исследование¹

Дьячков В. В.

Институт языкознания РАН

В статье на материале пилотного корпуса горномарийской речи рассматриваются структурные особенности переключения кодов (code switching), характерного для функционирования горномарийского языка в некоторых использующих его языковых сообществах, а именно – в сельских сообществах Горномарийского района Республики Марий Эл. Вначале в работе на основе неформальных наблюдений характеризуется социолингвистическая ситуация, характерная для изучаемого идиома. Далее подробно описывается структура пилотного корпуса, на основе которого делается исследование, детально характеризуются используемая разметка и накладываемые исходным материалом ограничения. Далее в статье на основании количественных данных делаются некоторые выводы о структурных особенностях горномарийско-русского переключения кодов в изучаемом языковом сообществе. В частности, отмечается невысокая доля межклаузальных кодовых переключений внутри сложных предложений и большое количество переключений на уровне составляющих такого типа, как предложные группы, адвербиалы, предикативные единицы и дискурсивные маркеры. Кратко описывается также большая доля речевых клише среди переключаемых составляющих.

Ключевые слова: социолингвистика, переключение кодов, русский язык, финно-угорские языки, лингвистические корпуса

Введение

Данное исследование посвящено выявлению структурных характеристик такого явления, как переключение кодов (code switching или code mixing – последнее иногда противопоставляется первому), в горномарийском языке. Это явление применительно к материалу разноструктурных языков получает в последние десятилетия обширное

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ №18-312-00155 мол_а.

освещение в лингвистической литературе, перечислить которую даже в виде краткого списка здесь не представляется возможным (но которую мы кратко охарактеризуем в тексте настоящей работы). Вместе с тем, переключение кодов в горномарийских языковых сообществах, насколько нам известно, на данный момент подробно не описано.

Данные для исследования собраны в первую очередь в ходе лингвистических экспедиций ОТиПЛ МГУ в с. Кузнецово Горномарийского района республики Марий Эл и отражают речевые практики соответствующего сообщества.

Дальнейшее изложение структурировано следующим образом. В разделе 1 мы охарактеризуем социолингвистическую ситуацию, в которой функционирует горномарийский язык, и отдельно приведем наши наблюдения над социолингвистической ситуацией в изучаемом идиоме. В разделе 2 мы опишем структуру пилотного корпуса, используемого в нашем исследовании, а в разделе 3 – отмеченные на материале этого корпуса структурные свойства русско-горномарийского переключения кодов.

1. Социолингвистическая ситуация с горномарийским языком и предыдущие исследования

Горномарийский язык входит в финно-угорскую группу уральской языковой семьи, и на нем говорят в основном в Горномарийском районе Республики Марий Эл. Число говорящих на нем оценивается примерно в 30 тыс. (оценка сайта Ethnologue), и он оценивается с социолингвистической точки зрения как язык под угрозой исчезновения (6b, threatened). В данной работе описывается идиом, распространенный в с. Кузнецово и его окрестностях (Кузнецовского сельсовета).

Все носители описываемого идиома являются двуязычными, однако, несмотря на социолингвистический статус горномарийского, этот язык продолжает выучиваться как родной, и, согласно сообщениям наших информантов, некоторые дети дошкольного возраста до сих пор не знают никакого языка, кроме горномарийского, выучивая русский язык только в школе. Вместе с тем, горномарийский язык многие носители впоследствии перестают использовать, если переезжают в город. Сами носители зачастую осознают горномарийский язык как непрестижный. Автору данной статьи в неформальной беседе сообщали, что жители села могут, к примеру, общаться между собой по-горномарийски на автобусной остановке, однако, войдя в автобус, переходят на русский («стесняются своего родного языка»).

Однако поверхностное наблюдение показывает, что в языковом сообществе, речь которого является предметом изучения в данной статье, горномарийский язык по-прежнему широко используется в повседневной речи. Так, в непосредственно доступных наблюдению исследователей ситуациях общения (например, в магазине), отмечается преимущественное использование горномарийского языка, а не русского. Есть, тем не менее, свидетельства того, что некоторые речевые практики оцениваются частью носителей (особенно старшего поколения) как неправильные («дети говорят на испорченном языке»). Согласно подобным суждениям, дети могут включать в речь неоправданные русизмы, как в следующем примере, где вместо горномарийского глагола *vesäñ* ‘лететь’ употребляется гибридная словоформа, состоящая из русского корня и горномарийского словоизменительного показателя:

(1)kek let-ä

птица летить-PRES.3SG

‘Птица летит’.

Подобные случаи могут свидетельствовать в пользу того, что в изучаемом языковом сообществе функционирует т. н. смешанный код, при котором переключение с языка на язык является не осознанным способом маркировки коммуникативного намерения говорящего, а некоторым немотивированной контаминацией элементов двух языков (о смешанных кодах см., например, [Romaine & Kachru 1992], [Swigart 1992], [Gardner-Chloros 1995], [Головки 2001], помимо многих других). Исследование переключения кодов, используемого в горномарийских языковых сообществах, не стало, однако, предметом отдельного исследования. В этом отношении гораздо лучше исследован близкородственный луговой марийский язык (см. [Гаврилова 2012; 2013; 2015]). Гаврилова отмечает такие существенные характеристики переключения лугово-марийско-русского переключения кодов: использование русскоязычных «дней недели, цветов, чисел, терминов родства» (Мый тендан деке **понедельникын** толам, вет? ‘Я ведь к вам в понедельник приду?’²; *Тиде, короче, метр шестятсемь* ‘А этот, короче, метр шестьдесят семь’ [Гаврилова 2013: 17]); использование русских союзов (в том числе дублирование) (*Шонымо огыл, што мый тышке тунемаш толам* ‘Не думали, что я сюда поступлю учиться’; *Если урок уло гын, то кынелам, если уке гын, мален кертам лу шагат марте* ‘Если есть уроки, то встаю, если нет, то могу спать до десяти часов’ [Гаврилова 2013: 18]); включение русских междометий и дискурсивных маркеров. Вместе с тем, Гаврилова

² Здесь и далее примеры из лугового марийского языка приведены в том же виде, как в источнике.

указывает, что русские элементы при кодовом переключении хорошо интегрированы в язык-реципиент, т. е. включаются в речь в соответствии с правилами лугового марийского языка.

Гаврилова отмечает также, что переключение кодов в некоторых случаях зависит от структуры текста: «смешение кодов при цветообозначении напрямую зависит от темы беседы: в приведенном [выше в тексте – В. Д.] примере речь шла об учебном процессе в университете, по мнению самих респондентов, языком учебы, преподавания, науки является русский язык, что вызывает смешение. Обсуждение других тем традиционно не вызывает заимствований лексем для обозначения цветов из русского языка» [Гаврилова 2013: 17]. Безусловно, наличие близкого родства между языками не является аргументом в пользу того, что горномарийско-русское переключение кодов имеет сходную структуру, поэтому горномарийский материал нуждается в первичном эмпирическом исследовании, которое позволило бы выявить его наиболее существенные свойства.

Таким образом, целью нашего пилотного исследования является сбор тестового корпуса данных и описание как можно большего количества случаев наблюдаемого кодового переключения. Нашей задачей является также качественная характеристика наблюдаемых явлений – в первую очередь с точки зрения структуры (в частности, синтаксической). Конечной целью нашей работы является определение факторов, которые определяют переключение кодов в исследуемом идиоме горномарийского языка, однако эта цель, безусловно, не может являться достижимой в рамках настоящей статьи. Очевидной причиной этого является крайняя ограниченность текстовой выборки, размер которой не представляется достаточным для формулировки статистически верифицируемых утверждений. Тем не менее, мы считаем, что даже в рамках пилотного исследования возможно определить наиболее существенные структурные черты горномарийско-русского переключения кодов.

2. Описание корпуса

Итак, для пилотного исследования мы отобрали несколько устных текстов, записанных в ходе полевой работы 2017 – 2018 гг.³ в селах Кузнецовского сельсовета Горномарийского района Республики Марий Эл. Основным принципом отбора текстов на

³ Автор статьи выражает благодарность Е. В. Кашкину и П. С. Плешак за предоставление материалов для пилотного корпуса.

данном этапе являлось достаточное количество русскоязычных вкраплений, относительно которых не делается утверждений относительно того, являются ли они заимствованиями, ассимилированными по фонетическим правилам матричного (т. е. горномарийского) языка, или полноценными русскоязычными вставками (см. например, [Winford 2003; 2010], [Matras 2009], [Poplack 2017] о трудностях различения лексических заимствований и переключения кодов). Безусловной проблемой при таком решении является проблема спонтанности исследуемой речи, поскольку собранные в ходе полевой работы тексты являются зачастую текстами, порождаемыми по определенному заданию. Именно поэтому для пилотного корпуса были отобраны 5 текстов (общей продолжительностью около 47 мин), которые максимально соответствовали требованию естественности речи. Из 5 данных текстов 1 является диалогом двух носителей горномарийского языка, произносимым в присутствии исследователя, 3 текста – спонтанным диалогом двух носителей горномарийского языка, которые по определенной инструкции исследователя выполняют некоторые игровые действия, сообщая друг другу инструкции по перемещению фигурок, и 1 текст – диалогом носителя языка с русскоязычным исследователем. Последний текст для удобства разбит на два фрагмента, в первом из которых носитель преимущественно использует горномарийский язык, а во втором – русский.

Некоторые существенные дискурсивные характеристики исследуемых текстов приведены ниже вместе с номерами этих текстов в корпусе:

1. Текст 1 – диалог двух носителей горномарийского языка на свободную тему.
2. Текст 2 – диалог двух носителей горномарийского языка с элементами инструктивного речевого акта.
3. Текст 3 – диалог двух носителей горномарийского языка с элементами инструктивного речевого акта.
4. Текст 4 – диалог двух носителей горномарийского языка с элементами инструктивного речевого акта.
5. Текст 5 – монолог носителя горномарийского языка на тему игр в присутствии носителя русского языка (последний периодически задает вопросы на русском языке).

В социолингвистической литературе описано огромное количество случаев кодового переключения, которое может быть мотивировано как дискурсивными, так и

структурными факторами. Хорошо известны и описаны случаи, когда переключение кодов осуществляется в пределах определенных фрагментов дискурса – например, для передачи прямой речи, уточнения сказанного, при смене адресата речи, а также в рамках языковых игр и смены регистра социального взаимодействия (см., например, важнейшие работы в этой области [Gumperz 1976; 1982], [Myers-Scotton 1988], [Gardner-Chloros 1995], помимо многих других).

Вместе с тем, в литературе описано большое количество случаев нетривиальных взаимодействий структур кодов, участвующих в переключении. Влиятельной является теория Мюйскен (см. [Muysken 2000]), в которой последовательно проводятся различия между такими принципиально разными явлениями, как инсерция, альтернация и конгруэнтная лексикализация, различие между которыми лежит в степени интегрированности включений в матричный язык. Вместе с тем, как представляется, граница между этими явлениями не всегда четкая, и существует достаточно большое количество случаев, когда не удастся однозначно определить, является ли спорный фрагмент случаем инсерции, альтернации или конгруэнтной лексикализации.

Стоит отметить, что даже в рамках одной языковой семьи структурные характеристики кодового переключения могут значительно варьироваться от языка к языку, несмотря на структурные сходства – см., например, сборник [Tánczos et al. 2018], где описаны свойства кодовых переключений в разных финно-угорских языковых сообществах, весьма сильно отличающиеся друг от друга.

Таким образом, по нашему предположению, разметка имеющихся в нашем распоряжении текстов должна быть максимально информативной и отражать информацию как о синтаксической, так и о дискурсивной структуре текста, которые значимы для выявления существенных характеристик изучаемого кодового переключения. Разметка исходных текстов осуществлялась в программной среде ELAN. В целях удобства весь исходный текст был сегментирован на токены, и, таким образом, дальнейшие слои разметки могут быть привязаны как к уровню исходного предложения, так и к уровню конкретного токена (т. е. орфографического слова). Остальные слои разметки включают в себя следующие:

- `clause_type` – в данном слое отмечается тип придаточного предложения. Слой, как представляется, нужен для первичной разметки типов придаточных предложений, которые теоретически могут быть привязаны к определенным

фрагментам дискурсивной структуры текста, в которых осуществляется переключение;

- `speech_act_type` – слой, в котором отображается тип речевого акта, при котором наблюдается переключение кодов. На данный момент мы отказываемся от сплошного разбиения всего текста по типам речевого акта, хотя отдаем себе отчет в том, что такая разметка была бы информативнее. Вместе с тем, если при некотором типе речевого акта систематически появляется переключение кодов, это должно быть заметно даже при первичном анализе результатов;

- `comment_on_trigger` – слой, содержащий комментарий к двум предыдущим слоям, записанный в свободной форме;

- `constituent_type` – слой, который является дочерним по отношению к слою, содержащему разбиение на токены. Тэг из этого слоя приписывается токену или последовательности токенов, отображая синтаксический тип соответствующей составляющей. Инвентарь тэгов для данного слоя описывается в подробностях ниже;

- `language` – слой, в котором указывается язык для составляющей, помеченной в слое `constituent_type`;

- `loan` – слой, в котором помечаются заимствованные лексемы.

Отдельного комментария требует слой `constituent_type`, который является в нашем корпусе основным. Предлагаемое решение заключается в том, что мы полностью отказываемся от какой-либо априорной классификации наблюдаемых случаев переключения кодов на морфологическом или синтаксическом основании. Иными словами, любое переключение кодов отображается в разметке как последовательность составляющих, каждой из которых присваивается синтаксический тэг. Этот синтаксический тэг совпадает с фразовой категорией выделяемой составляющей – так, предложной группе приписывается тэг *pp* [= prepositional phrase], адвербиальной составляющей – тэг *adv*, придаточному предложению – тэг *conj* [= conjunction phrase] и т. д. Если переключению подвергается составляющая уровня предложения, это отображается в виде тэга *s* [=sentence].

выгрузке файла ELAN в текстовый формат фрагмент текста⁴ помечается последовательностью тэгов [rus hm rus]. Следовательно, если фрагмент на горномарийском языке замыкает клаузу, которая начинается по-русски, клауза наделяется последовательностью тэгов [rus hm], и т. д. Таким образом, мы предполагаем, что для каждого случая кодового переключения мы получаем в единообразном виде информацию о его синтаксической структуре и последовательности элементов двух переключаемых кодов, что позволяет извлекать их из текстов для последующего качественного и количественного анализа.

3. Пилотное исследование корпуса: результаты

Ниже мы кратко охарактеризуем с количественной и качественной точки зрения полученные результаты. Прежде всего, стоит отметить, что в корпусе было найдено два случая, когда переключение происходит внутри словоформы – русскоязычный фрагмент оформляется горномарийским падежным или possessивным показателем:

(3) зимой мы [молодые- et-šə] собирались

POSS.2SG-POSS.3SG

‘Зимой мы, молодые, собирались...’

(4) Играли [третий лишний -lä] так svidani-lä

-EQU свидание- EQU

‘Играли в третьего лишнего, так, в свидания...’

Составляющие других типов распределены по текстам и по синтаксическим тэгам следующим образом. В следующей таблице представлены только типы составляющих, частотность которых в абсолютном выражении выше 2 (то есть типы, встретившиеся больше одного раза):

⁴ Для простоты мы считаем, что текст изначально уже разбит на единицы, соответствующие клаузе. Хотя само определение единицы разбиения как клаузы/предложения/элементарной дискурсивной единицы нуждается в дополнительном обосновании, мы, однако, не обсуждаем здесь этот вопрос подробно и считаем, что текст изначально разбит на клаузы в соответствии с общими принципами транскрипции полевых данных.

(5)	s	pp	adv	pred	discm	vp
Text 1 6	0	2	0	3	0	0
Text 2 7	4	4	4	5	0	0
Text 3 6	1	3	5	3	0	0
Text 4 4	1	6	3	4	0	0
Text 5_a	4	4	7	1	6	7
Text 5_b	9	3	5	1	1	3
<i>Итого</i>	<i>36</i>	<i>13</i>	<i>27</i>	<i>14</i>	<i>22</i>	<i>10</i>

Не претендуя на масштабные обобщения, которые могут быть возможны только со значительным расширением выборки, мы, однако, прокомментируем полученные результаты. В нашей выборке практически не встретилось случаев, когда переключение наблюдалось на границе двух клауз, одна из которых была главной, а другая зависимой (такие составляющие помечаются тэгом *conjр*, и их частотность в исследуемой выборке оказалась равна 2). Вместе с тем, как и предполагалось, частотными оказались русскоязычные вкрапления тех составляющих, которые можно с известной долей условности охарактеризовать как «неизменяемые части речи» – к их числу можно отнести в первую очередь дискурсивные маркеры, адвербиальные составляющие и предикативные единицы. Употребление предикативных единиц можно проиллюстрировать следующими текстовыми примерами:

(6)A-a-a, **все понятно**, jara , jara , **все понятно**

хорошо

(7)vot tən'-žə šədešk-et vopše **че-то непонятно**

вот 2SG-POSS.3SG сердиться-NPST.2SG вообще

‘Вот ты сердисься, вообще что-то непонятно [почему]’.

(8)stöl ogol-ăštâ šalga , **да**

стол угол-IN стоять-PRES.3SG

‘На углу стола стоит, да’.

Вместе с тем, стоит отметить, что составляющие, объединенные нами под ярлыком «предикативы», распределены по текстам неравномерно: их частотность составляет соответственно 0 и 1 в текстах диалогического жанра, которые построены по определенному заданию исследователя (см. детали в разделе 2), однако равняется 4, 5 и 3 в трех текстах, которые можно отнести к инструктивам. К числу наиболее часто употребляемых предикативных единиц можно отнести лексемы *да, нет, ясно, понятно*, и лексический состав данной группы позволяет предположить, что употребление данных лексем связано с жанровой спецификой инструктивных текстов, которые предполагают (в силу естественных причин) наличие маркеров обратной связи. В данном случае маркеры выполняют роль сигналов того, что собеседник понял исходящую информацию и готов выполнить соответствующее действие.

Вместе с тем, составляющие других типов демонстрируют равномерное распределение по текстам нашей выборки. Ожидаемо равномерно распределены адвербиальные составляющие и дискурсивные маркеры, которые обычно являются первыми составляющими, подвергаемыми переключению при языковом сдвиге (см. об этом, например, [Auer 1999]). Предложные группы также встречаются во всех исследуемых текстах, хотя и в разных пропорциях – они отсутствуют в некоторых текстах и малочисленны в других. Вместе с тем, среди предложных групп выделяются два семантически отличных друг от друга класса, которые, как представляется, могут представлять собой принципиально отличные друг от друга множества синтагм. Ниже в (9) и (10) приведены множества предложных групп, которые входят в эти два класса.

(9) *на одном уровне*

на границе картины

за пределы класса

на уровне

с розовой полоской

между тремя девочками

(10) *с этих с матерей* [передавались традиции]

при советской власти

при мне [= ‘в мое время’]

до войны

после седьмого класса

в стороне

от поколения к поколению

Разница между этими двумя множествами лежит в сфере принципиально разных семантических отношений между элементами составляющей. Так, предложные группы в (9), взятые из текстов 2, 3 и 4, которые, как мы это обозначили выше, представляют собой диалог со значительным включением элементов инструктивного речевого акта, обозначают в основном некоторое пространственное отношение. Это естественным образом объясняется тематикой диалога (напомним, что его участники выполняют некоторые задания по перемещению фигурок), однако здесь может быть уместен вопрос, почему данные фрагменты носители произносят на русском языке, а не на горномарийском. Условия переключения кодов, таким образом, остаются неизвестными и недоступными непосредственному наблюдению.

В случае предложных групп из множества (10), напротив, легко и естественно сделать предположение, что данные фрагменты легче воспроизвести на русском языке, потому что они представляют собой речевые штампы. В самом деле, такие выражения, как *при советской власти* или *от поколения к поколению* представляют собой устойчивые выражения, которые могут быть охарактеризованы как речевые клише. Застывшим выражением можно считать также предложную группу *в стороне*, имеющее в данном контексте значение ‘не при деле’. Такие предложные группы, как *при мне*, *до войны* или *после седьмого класса*, однако, не могут быть охарактеризованы как застывшие выражения. Вместе с тем, они представляют собой обозначения культурных реалий (в частности, ‘война’ и ‘седьмой класс’), которые могут подвергаться переключению или заимствоваться в язык целиком, облегчая при этом и переключение всей предложной группы. В любом случае, подобное явление нуждается в более детальном исследовании.

Составляющие, наделенные тэгом *ур* (глагольная группа), представляют собой наиболее гетерогенный класс по естественным причинам – глагол может присоединять

зависимые разного типа. Встретившиеся в исследовании глагольные группы приведены ниже:

(11) *лесом торговали*

сплошь лежит

лично участвовала

должны переходить

заново надо оформлять

(12) *обрабатывали с ног до головы*

в гробу сто раз перевернулся

придете к тому что

диву даешься

Нетрудно заметить, что значительную часть списка составляют также идиоматичные выражения, которые, возможно, вообще не имеют эквивалентов в горномарийском языке и поэтому не могут подвергаться «частичному» переключению. Помимо вполне очевидных случаев типа *в гробу сто раз перевернулся*, это также глагольные группы типа *лично участвовала* и *заново оформлять*, которые также можно охарактеризовать как устойчивые коллокации.

Наиболее большое количество случаев, как видно из таблицы (5), однако, приходится на межклаузальное переключение, при котором независимая клауза на русском языке вставляется в горномарийский контекст. К сожалению, на данном этапе исследования любые предположения о причине таких переключений не имеют никакого статистического подтверждения, а их трактовка целиком зависит от теоретических установок исследователя. Отчетливо выделяются только некоторые типы контекстов – например, контекст уточнения сказанного, когда составляющая из русского текста дублируется носителем на горномарийском:

(13) Ремень **präžä** положишь

(14) У нас клуба не было в деревне-то **klubna älde**

(15) nu, pätäriš ärvězäš urov'en' ture

ну первый мальчик уровень около

ну в общем на одном уровне, можно сказать

‘Ну, на уровне первого мальчика, ну, в общем, на одном уровне, можно сказать’

Вместе с тем, некоторое количество кодовых переключений наблюдается в случаях, когда говорящий переключается на экспрессивный регистр. Например, в (16) говорящий сначала пересказывает некоторые события (а именно, факт визита к некоторым людям), но затем начинает выражать свою оценку происходящего и переключается на русский язык (несмотря на задание исследователя, который просил его говорить по-горномарийски). Вместе с тем, во фрагменте (17) подобное переключение, связанное с просьбой говорящего снизить тон, происходит уже спонтанно:

- (16) kâzmodemjansk-âštâ [имя]-vlä dokâ mi-em ä'l'ä
Козьмодемьянск-IN [имя]-PL к ходить-PRES.2SG RETR
govotajâ-m-em godâm-et-še
работать-NMLZ-POSS.1SG во.время-2SG-POSS.3SG
nu man-am mân'-žä
ну говорить-PRES.2SG 1SG-POSS.3SG

все равно придете к тому что будете поддерживать производство.

щас вот давите как не знаю что, да.

че творят.

да простой пример возьмем техосмотр автомашины, блин.

такой этот пример [...]

‘В Козьмодемьянск я приходила к Х-овым [фамилия]. Во время работы. Ну, я говорю, все равно [фрагмент по-русски]’

- (17) A: ture-štâ ... ture kâce šalg-a [HPЗБ]
около-IN около как стоять-PRES.3SG
stöl do-n=ok šalg-aš

стол у-ILL2=FOC стоять-INF

‘Не рядом, а около стола стоит’.

В: А ты зачем голос повышаешь?

Стоит отметить, что в отсутствие убедительных статистических данных, однако, сложно постулировать наличие взаимосвязи между экспрессивными речевыми актами и переключением кодов. Поэтому любое решение подобных вопросов мы оставляем на будущее.

Выводы

Итак, в рамках данной работы мы создали небольшой корпус горномарийской речи и провели его первичный анализ. Целью этой работы было получение данных, которые могли бы выявить некоторые существенные характеристики переключения кодов, используемого в речи билингов, говорящих на изучаемом идиоме. При этом изначальное ограничение состояло в том, что используемые тексты не являлись в полной мере спонтанными, поскольку порождались носителями языками в условиях полевой работы и при наличии задания исследователя говорить по-горномарийски. Вместе с тем, по нашему мнению, неосознанное несоблюдение этого задания является значимым, поскольку позволяет (хотя бы в первом приближении) получить представление о структурных характеристиках кодового переключения в определенном сообществе, то есть в среде, где используется изучаемый идиом горномарийского языка.

Некоторая простая синтаксическая разметка позволила выделить следующие структурные характеристики кодового переключения в изучаемом идиоме горномарийского языка. Во-первых, несмотря на достаточно низкий социальный престиж языка, который отмечают сами носители, в нашем корпусе не наблюдалось большого количества переходов на русский язык, что отчасти обусловлено заданием исследователя, который просил носителей говорить именно по-горномарийски. Вместе с тем, даже спонтанное нарушение этого запрета не приводило к большому количеству переходов на русский язык. Всего в нашем корпусе встретилось 36 кодовых переключений между клаузами (т. е. таких переходов, в ходе которых русские клаузы чередовались с горномарийскими), однако практически не встретилось случаев, когда на разных языках произносились бы главная и зависимая клауза. Иными словами, межклаузальное

переключение внутри сложного предложения практически отсутствует в нашей текстовой выборке, что позволяет говорить об отсутствии смешанного русско-горномарийского кода, при котором говорящий не делает различий между фрагментами на разных языках и свободно их чередует.

Вместе с тем, некоторые типы составляющих подвергаются переключению достаточно часто, и к их числу в первую очередь относятся адвербиальные составляющие – число русскоязычных адвербиалов, включаемых в горномарийскую речь, сопоставимо с числом межклаузуальных переключений (27 против 36). Следующими по частотности являются дискурсивные маркеры (22) и предикативные единицы (14), отличные от глаголов, причем последние распределены по нашей выборке неравномерно. Частотны также группы предлога, которые встречаются во всех текстах, исследованных нами (13 вхождений).

Следующее обобщение состоит в том, что в исследуемой выборке мы практически не зафиксировали случаев переключения на именных составляющих, т. е. в текстах не встречается случаев, когда по-русски произносится только именная группа, но составляющая, которая является вершинной по отношению к ней, является горномарийской. В текстах, однако, встречаются глагольные группы, являющиеся русскоязычными включениями, и, как показывает простой качественный анализ этих групп, многие из них являются устойчивыми коллокациями или речевыми клише. Подобное можно сказать и про некоторое подмножество встреченных нами в текстах предложных групп – они представляют собой также речевые клише, возможно, не имеющие аналогов в горномарийском языке. Таким образом, типами составляющих, которые наиболее равномерно распределены по текстам исследуемой выборки, являются адвербиалы, предложные группы и дискурсивные маркеры, что позволяет сделать вывод о начальном этапе языкового сдвига, но никак не о повсеместном кодовом смешении и неразличении русского и горномарийского кодов – по крайней мере в исследуемом языковом сообществе. Вместе с тем, как мы неоднократно отмечали в тексте настоящей работы, подобные обобщения должны быть верифицированы и детализированы на большей выборке, что является частью нашей дальнейшей исследовательской программой.

Условные сокращения

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо, ACC – аккузатив, EQU – экватив, FOC – фокусная частица, IN – инэссив, NMLZ – номинализация, PST – непрошедшее время, POSS – посессив, PRES – настоящее время, PRET – претерит, SG – единственное число.

Библиография

Гаврилова В. Г. Дублирование как одно из проявлений переключения // Финно-угорский мир. – 2012. – Vol. 3 – 4. – С. 56 – 59. [Gavrilova V. G. Dublirovaniye kak odno iz proyavleniy pereklyucheniya (“Doubling as one of the instantiations of code switching”) // Finno-ugorskiy mir. – 2012. – Vol. 3 – 4. – Pp. 56 – 59.]

Гаврилова В. Г. Марийско-русское переключение и смешение кодов // Вестник удмуртского университета, 2. Серия «История и филология». – 2013. – С. 16–22. [Gavrilova V. G. Mariysko-russkoye pereklyucheniye i smesheniye kodov (“Mari – Russian code switching and code mixing”) // Vestnik udmurtskogo universiteta, 2. Seriya «Istoriya i filologiya». – 2013. – Pp. 16 – 22.]

Гаврилова В. Г. Окказиональные заимствования в устной речи мари // Филологические науки. Вопросы теории и практики.– 2015. – № 4-2 (46). – С. 68–70. [Gavrilova V. G. Okkazional'nyye zaimstvovaniya v ustnoy rechi mari (“Occasional borrowings in Mari oral speech”) // Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki.– 2015. – № 4-2 (46). – Pp. 68 – 70.]

Головкин, Е.В. 2001. Переключение кодов или новый код? // Европейский университет в Санкт-Петербурге. Труды факультета этнологии. Вып.1, СПб. С. 298-316.

Auer, P. From codeswitching via language mixing to fused lects. Toward a dynamic typology of bilingual speech. – International Journal of Bilingualism, 3(4), 1999. Pp. 309 – 332.

Gardner-Chloros, P. Code-switching in community, regional and national repertoires: the myth of the discreteness of linguistic systems // L. Milroy, P. Muysken (eds.). One Speaker, Two Languages: Cross-disciplinary Perspectives on Code-switching. Cambridge, 1995.

Gumperz, J. J. The Sociolinguistic Significance of Conversational Code-Switching // J. Cook Gumperz, J. J. Gumperz (eds.). Papers on Language and Context. Working Paper no. 46. Berkeley: Language Behavior Research Laboratory, University of California, 1976.

Gumperz, J. J. Discourse Strategies. Cambridge, 1982.

Matras, Y. Language Contact. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

Muysken, P. 2000. Bilingual Speech: A Typology of Code-mixing. Cambridge University Press.

Myers-Scotton, C. Codeswitching as indexical of social negotiation // Heller, M. (ed.). Codeswitching: anthropological and sociolinguistic perspectives. Berlin: Mouton de Gruyter, 1988. Pp. 151-186.

Poplack, Shana. Borrowing: Loanwords in the Speech Community and in the Grammar. New York, Oxford University Press, 2017.

Romaine, S., Kachru, B. 1992. Code-mixing and code-switching // T. McArthur (ed.). The Oxford Companion to the English Language. Oxford University Press. Pp. 228-229.

Swigart, L. Two codes or one? The insiders' view and the description of codeswitching in Dakar // Codeswitching / Ed. by C. M. Eastman. Clevedon, etc., 1992.

Tánczos O., Kovács M., Puura U. (eds.). Multilingual Practices in Finno-Ugric Communities. Uralica Helsingiensia 13, 2018.

Winford, D. An Introduction to Contact Linguistics. London: Blackwell, 2003.

Winford, D. Contact and Borrowing. – Eaymond Hickey (ed.). Handbook of Language Contact. New York: John Wiley & Son, 2010. Pp. 170 – 187.

Дьячков Вадим Викторович

Институт языкознания РАН

125009, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1

младший научный сотрудник

e-mail: hyppocentaurus@mail.ru

тел. 8-925-765-61-60

Министерство науки
и высшего образования
Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

ИРЯ

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова Российской академии наук
(ИРЯ РАН)

119019 Москва, ул. Волхонка, 18/2 • Тел. +7 495 695 2660 • Факс +7 495 695 2603
ruslang@ruslang.ru

СПРАВКА

Выдана Вадиму Викторовичу Дьячкову в том, что его статья «Структурные и социолингвистические характеристики русско-горномарийского переключения кодов: пилотное исследование» принята к печати в 22-м номере журнала «Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН» за 2019 год.

Ученый секретарь Института

В. А. Пыхов